

Чжоу Чжоу громко чихнул. Под обеспокоенным взглядом мальчишки он улыбнулся ему и с отличным настроением продолжил трапезу. Он даже не подозревал, что этот пустяковый жест привлёк внимание кое-кого из окружающих, и что теперь его взяли на заметку. Чжоу Чжоу же продолжал самодовольно наслаждаться собственной актерской игрой.

Это был его первый обед в новом мире, и он остался весьма доволен. Все-таки еда в мире совершенствующихся разительно отличалась от обычной пищи. Чжоу Чжоу подумал: если здешние жители питаются так каждый день, то остаться здесь — не такая уж плохая идея.

На самом деле он не знал, что не каждый может позволить себе пятизвездочное питание из духовного риса и мяса духовных зверей. Это было привилегией главы пика. Что ж, привилегированные классы существуют везде.

Наевшись, Чжоу Чжоу почувствовал прилив бодрости и сил. В отличие от того, как он сам уплетал еду, мальчик ел очень изящно: держал миску в руках, медленно прожевывая каждый кусочек, и лишь изредка брал палочками немного зелени. Такая утонченность заставила Чжоу Чжоу покраснеть — по сравнению с ребенком его собственные манеры выглядели просто варварски.

Босс Цзи, заметив, что в его миске внезапно появилась большая порция мяса, с недоумением посмотрел на Чжоу Чжоу.

Встретившись с этим чистым и ясным взглядом, Чжоу Чжоу закатил глаза и проворчал:

— Юнь-эр, нельзя быть таким привередливым. Ешь больше мяса, иначе как ты наешься? А если не будешь сыт, как ты вырастешь?

Он ни за что не признался бы, что просто немного завидует изящной манере мальчика есть.

Босс Цзи замер, затем опустил голову и, сохраняя спокойствие, продолжил неспешно есть. Никакой другой реакции не последовало, однако, если присмотреться, можно было заметить, что в его ледяных глазах постепенно загорается улыбка, а привычно сжатые губы слегка дрогнули. И теперь палочки в его руках гораздо чаще тянулись к мясу.

Спустя долгое время Чжоу Чжоу вдруг услышал тихий голос:

— Спасибо, учитель.

Спасибо, учитель. Спасибо тебе за то, что показал мне, насколько прекрасным может быть чувство, когда о тебе кто-то заботится.

Из-за долгой паузы Чжоу Чжоу не сразу понял, за что его благодарят. Но когда до него дошло, и он увидел покрасневшие уши мальчишки, то внезапно осознал: ребенок просто застенялся.

Словно обнаружив нечто невероятно интересное, Чжоу Чжоу склонил голову и уставился на

него, не мигая. Он думал о том, как же ему повезло: бог переселений действительно благоволил к нему. Неужели этот милый, застенчивый мальчишка — его собственный ученик? Ох, от счастья можно проснуться с улыбкой даже во сне!

Поначалу Босс Цзи мог игнорировать этот прилипчивый взгляд, но когда тот стал слишком откровенным, мальчик почувствовал раздражение. В памяти всплыли знакомые ощущения: когда-то другой человек точно так же смотрел на него — с насмешкой и жалостью. Под тем взглядом все его нутро словно выворачивали наизнанку, обнажая былую слабость, беспомощность, перенесенные унижения и поправки.

Смех в глазах постепенно сменился глубокой ненавистью, а в сознании замелькали картины, которые он считал давно забытыми.

Цзи Юньлю внезапно поднял голову, и его острый взгляд столкнулся с глазами учителя. Но в тот же миг, как только их взгляды встретились, охваченное ненавистью сознание прояснилось. Верно, этот человек перед ним — совсем не тот, из его воспоминаний. Это его учитель, его семья, единственный человек, который подарил ему тепло и поклялся заботиться о нем. Самый близкий человек на свете.

Как он мог принять его за Юнь Цинмо? Это просто абсурд. В человеке можно подделать все, кроме глаз. А в глазах учителя нет ни злобы, ни алчности, ни насмешки, ни жалости. В них лишь нескрываемое восхищение и море счастья. Счастья? Босс Цзи по-своему истолковал это: учитель считает, что обедать вместе с ним — большое счастье. Подумав об этом, он почувствовал, что учитель к нему так добр, что будет преступлением не ответить ему тем же.

И тогда на детском личике расцвела яркая улыбка, обращенная к витающему в облаках Чжоу Чжоу.

Чжоу Чжоу понятия не имел, что его обычное любование красотой ученика и мысли о благосклонности бога переселений тронули чувствительное и хрупкое сердце Босса Цзи, подняв его уровень симпатии до небес. Придя в себя и увидев перед собой сияющее радостью нежное личико, он широко раскрыл глаза: Какая беда! Ученик, ты такой милый, учитель вообще в курсе?

Чжоу Чжоу подумал, что теперь он в курсе.

После обеда Чжоу Чжоу сказал Цзи Юньлю, что хочет прогуляться, а его отправил в комнату практиковаться. У Босса Цзи были свои секреты, поэтому он согласился с готовностью. Уходя, он не забыл мягко напомнить:

— Учитель, возвращайтесь поскорее.

Чжоу Чжоу радостно отозвался:

— Вернусь к ужину.

Он позвал Сунь Юна, разузнал, где находится библиотека секты Цзюньшань, и направился туда. Ему нужно было до церемонии принятия учеников разобраться, как использовать эту магическую силу, чтобы не выдать себя. Он мог бы спросить мальчишку, но не нашел в себе сил признаться в своем невежестве, да и не знал, как объяснить, зачем ему понадобились такие элементарные вещи.

Библиотека находилась на пике Цзюньцзы. По словам Сунь Юна, путь был неблизкий — идти примерно время, за которое выпивают чашку чая. Но кто же пьет чай пять-шесть часов подряд? Чжоу Чжоу, задыхаясь от подъема в гору и глядя на пик Цзюньцзы, который, казалось, становился только дальше, был готов разрыдаться. В душе он проклял Сунь Юна сто раз, пожелав ему есть лапшу быстрого приготовления без приправ.

Сунь Юн, не знавший, что такое приправы, пострадал совершенно невинно. Он имел в виду время полета на мече, кто же мог знать, что в теле Юнь Цинмо теперь совсем другой человек — типичный домосед, который не умеет летать, не знает сторон света и вообще не приспособлен к жизни.

Чжоу Чжоу взглянул на заходящее солнце, огляделся по сторонам и едва не заплакал. Как он умудрился забрести в такую глушь? Вокруг густой лес, конца и края которому не видно, и неизвестно, водятся ли здесь чудовища. Хотя, судя по законам жанра, они там точно были.

Топографический кретинизм — это полбеда, страшно, когда у такого человека еще и духу не хватает.

Свет начал меркнуть, и Чжоу Чжоу пришлось искать дорогу назад, но бог топографического кретинизма явно был не на его стороне. Он кружил по лесу, но выхода так и не нашел. Совсем стемнело, но, видимо, из-за того, что совершенствующиеся обладают хорошим зрением, он по-прежнему отчетливо видел каждое дерево и травинку.

Поэтому, когда недалеко в чаще он увидел пару кроваво-красных глаз, его прошиб холодный пот, сердце пропустило удар, а горло сжалось от страха.

Позже, проиграв спор, Чжоу Чжоу рассказывал об этом случае и преувеличенно хвастался: Знаете, я тогда чуть не обмочился от страха! Собеседник не оценил его специфического юмора, с подозрением оглядел его с ног до головы и, сделав свои выводы, с явным отвращением пересел как можно дальше.

Тогда Чжоу Чжоу рассказывал об этом как о шутке, посмеялся и забыл. Но сейчас он стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться. Его ноги! Они стали ватными!

Черт возьми, что это за ситуация? Где закон бессмертия для попаданцев? Где благосклонность бога переселений? Неужели его жизнь закончится здесь? Это же смешно, как если бы создатель мира, путешествуя, погиб от рук младенца с ржавым ножом!

Чудовище приближалось, и Чжоу Чжоу наконец разглядел его: это был белый волк ростом с человека, мощный, с грациозным телом. На лбу у него красовался клочок шерсти в форме пламени — такого же ярко-красного цвета, как и глаза. Издалека казалось, что в воздухе пляшут три язычка огня. В кромешной тьме этот алый цвет выглядел жутко и завораживающе.

Чжоу Чжоу задержал дыхание и замер, не смея даже моргнуть, боясь, что любое движение пробудит в звере инстинкты, и тот разорвет его на части.

Волк был уже совсем близко, Чжоу Чжоу чувствовал жар, исходящий из его пасти. Зверь обнюхал его, в красных глазах мелькнуло замешательство, словно он пытался что-то понять. Затем он лизнул Чжоу Чжоу в лицо, и от этого вкуса его глаза вспыхнули ярче, словно два факела, прожигающие Чжоу Чжоу насквозь.

Чжоу Чжоу был в ужасе. Хотя волк не съел его сразу, по его облизывающемуся виду было понятно, что он — лишь запас еды, и зверь просто выбирает, с какой стороны лучше начать. Черт, быть чьим-то стратегическим запасом — это совсем не весело.

Бог переселений, умоляю, спаси меня!

Но, судя по характеру бога переселений, вряд ли он его услышит, поэтому Чжоу Чжоу решил спастись сам. Жалобно пролепетал:

— Эй, братец Волк, может, договоримся?

Волк, возможно, был родственником бога переселений, так как не удостоил его даже взглядом, продолжая методично слизывать с лица Чжоу Чжоу «предапперитив».

Привыкший к игнорированию со стороны высших сил, Чжоу Чжоу не сдался:

— На самом деле я невкусный. Смотри, какой я худой, во мне ни грамма мяса, ты даже зубы не набьешь. Отпусти меня, я принесу тебе что-нибудь получше, обещаю, что после этого ты захочешь еще, и еще!

Волк по-прежнему молчал. Чжоу Чжоу, наконец, решился, стиснул зубы и вдруг гаркнул:

— Если уж ты так хочешь человечины, то я... да черт, я же не умею готовить людей!

Он сам испугался своего крика. Ой-ой, он же не собирался так героически идти на смерть, это что, дух пяти героев горы Ланья в него вселился?

Волк, занятый трапезой, отвлекся на резкий выкрик, медленно поднял голову от шеи Чжоу Чжоу и странно посмотрел на этого внезапно превратившегося в «крутого парня» человека.

С чего он взял, что он хочет есть человечину? Эту жесткую, горькую и полную токсинов гадость можно назвать едой? Помилуйте, он же благородный божественный зверь, он очень разборчив в еде и не станет, как всякие неразумные твари, кидаться на все подряд.

<http://bllate.org/book/22479/2368316>